

КОДИФИКАЦИЯ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Ripsman N.M., Taliaferro J.F., Lobell S.E. Neoclassical Realist Theory of International Relations. Oxford University Press, 2016. 196 p.

*Рипсман Н.М., Талиаферро Дж. Ф., Лобелл С.Е.
Неоклассическая реалистская теория международных отношений. Оксфорд Юниверсити Пресс, 2016. 196 с.*

Историю неоклассического реализма традиционно отсчитывают с выхода в 1998 г. статьи «Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy» американского исследователя Гидеона Роуза [Rose 1998]. В ней, комментируя книги М. Брауна, Т. Кристенсена, Р. Швеллера, У. Уолфорта и Ф. Закарии, он впервые высказал предположение о появлении нового направления в теории международных отношений. Изыскания упомянутых его представителей, в конечном счете, привели Н. Рипсмана, Дж. Талиаферро и С. Лобелла к необходимости кодификации положений неоклассического реализма в качестве целостной исследовательской программы. Решению этой задачи служит их совместная монография – «Неоклассическая реалистская теория международных отношений».

Статья Г. Роуза начиналась с констатации того, что «на протяжении двух десятилетий в теории международных отношений разворачиваются споры между неореалистами и их критиками». Спустя почти 20 лет это утверждение остается, в целом, верным. Тем не менее в последние годы исследователи отошли от масштабного теоретизирования, сосредоточившись на проверке отдельных гипотез – подобный подход помогает молодым специалистам продвигаться вверх по карьерной лестнице, но препятствует кумулятивному нако-

плению знаний [Mearsheimer, Walt 2013]. В этих условиях попытка Н. Рипсмана, Дж. Талиаферро и С. Лобелла систематизировать отдельные положения неоклассического реализма и придать ему большую целостность и стройность приобретает особую научную ценность.

При этом авторы книги претендуют не только на обобщение накопленного опыта, но и на теоретическую новизну. Они стремятся задать основные параметры третьего поколения неоклассического реализма. Если первые публикации в этой исследовательской традиции претендовали только на толкование исключений и аномалий в рамках неореализма, а второе поколение составляли теории внешней политики, новый неоклассический реализм Рипсман, Талиаферро и Лобелл считают полноценной теорией международных отношений, подходящей не только для объяснения отдельных внешнеполитических решений, но и изменений в структуре международной системы.

В книге авторы достаточно полно раскрывают суть своей модели, в частности, подробно описывают ее отличия от неореализма, либерализма и конструктивизма. В этих попытках можно заподозрить преувеличение, потому как родовая черта неоклассического реализма состоит в сочетании основных идей различных традиций и попытке придать этому идейному синтезу

методологическую цельность. Впрочем, неоклассический реализм – определенно больше, чем просто смешение идей из разных парадигм. Он исходит из специфических допущений и содержит ряд оригинальных положений.

Вслед за неореалистами авторы признают примат структуры международной системы и ее анархичность. Они соглашались с тем, что главной системной переменной является распределение материальных возможностей между государствами, определяющее как их место в системе, так и стратегии поведения, будь то внутреннее (наращивание военной мощи) и внешнее (формирование альянсов и коалиций с более слабыми государствами) балансирование или примыкание к сильному («bandwagoning»). В то же время для неореалистов поведение государств внешне детерминировано. «Неоклассики» же, соглашаясь с тем, что государства в своей политике реагируют на внешние сигналы и стимулы, ставят под сомнение автоматизм и предзаданность их ответов.

С точки зрения авторов системный детерминизм уязвим по нескольким причинам. *Во-первых*, в международной системе неоклассиков значительно больше неопределённости, чем в мире неореалистов. Системные сигналы зачастую непрозрачны и необязательно предписывают или навязывают единственную модель поведения. Угрозы и возможности, которые преподносит система, не всегда легко различимы, у них не всегда есть четкое временное измерение, так же, как зачастую неочевидны и оптимальные варианты поведения. *Во-вторых*, не существует идеального передаточного механизма между стимулом и реакцией – системные сигналы проходят через ряд социально-политических и институциональных фильтров, к которым авторы относят ограниченную способность лидеров корректно воспринимать системные сигналы, трудности, связанные с мобилизацией государствами внутренних ресурсов, необходимых для проведения адекватного политического курса, а также проблемы рациональности/иррациональности

лидеров и принимаемых ими решений. Иными словами, неопределенность, подталкивающая неоклассиков выходить за рамки неореализма, – продукт не только недостаточной прозрачности системы, но и несовершенства государств и их лидеров, располагающих ограниченной информацией, склонных к предрешениям и скованных социальными и институциональными факторами.

Опускаясь на уровень отдельного взятого государства и индивида, авторы частично возвращаются к постулатам классического реализма и формулируют набор промежуточных переменных (*intervening variables*), оказывающих влияние на восприятие системных сигналов, принятие внешнеполитических решений и их реализацию. В книге рассматриваются четыре такие переменные, значение каждой из которых варьируется в зависимости от рассматриваемого временного периода (от краткосрочного до долгосрочного). *Первую* составляют убеждения и установки лидеров (в том числе их когнитивные ограничения и отношение к риску), приобретающие повышенное значение в условиях кризиса, когда лидеры в силу дефицита времени отдаляются от тех социальных групп, чьи интересы они представляют в другое время. *Вторую* – стратегическая культура государства или то, как оно воспринимает системные стимулы, адаптируется к ним и реагирует на изменения в материальных возможностях других государств. К **стратегической культуре** авторы относят *доктрины, нормы, допущения и коллективные ожидания относительно своего поведения и поведения других в области национальной безопасности*.

В качестве третьей переменной авторы рассматривают характер взаимоотношений между основными институтами государства и различными социальными группами, а именно: степень автономности правительственных институтов, социального доверия к ним, желание общества участвовать в формировании внешней политики, степень соперничества социальных групп за контроль над госаппаратом, существова-

ние механизмов разрешения противоречий между государством и обществом, а также наличие общей поддержки внешнеполитического курса, что, в свою очередь, обуславливает возможности лидеров по мобилизации ресурсов. Наконец, неоклассики включают в свой анализ формальные и неформальные политические институты, создающие среду осуществления внешнеполитического процесса. Выбор каждой из этих переменных авторы сопровождают тщательными пояснениями и обоснованиями, отражающими их место в предлагаемой методологии.

Не менее интересен раздел об объяснительной силе неоклассического реализма и его применимости к разрешению основных споров теории международных отношений. Авторы рассматривают давние и болезненные вопросы, которые не способны удовлетворительно разрешить представители других направлений. В частности, неоклассический реализм дает ответ на то, почему государства периодически избирают, казалось бы, неоптимальные стратегии поведения. Он также претендует на объяснение выбора игроков между протекционизмом и свободой торговли. Развивая идею Ф. Закарии о разнице между национальной и государственной мощью, авторы показывают, почему правительствам не всегда удается получить доступ к общественным ресурсам, даже несмотря на наличие мощных внешних стимулов. Кроме того, Рипсман, Талиаферро и Лобелл предлагают свое видение спора между предста-

вителями идеационных и материалистских подходов, обсуждают и объясняют последствия однополярности и существования государства-гегемона с позиций неоклассического реализма.

Авторы проделали огромный труд, ответив на множество методологических вопросов и включив в работу достаточно детальное руководство к проведению анализа в рамках исповедуемой ими исследовательской программы. Рипсман, Талиаферро и Лобелл постарались не только дать ответ на прошлые и будущие критические замечания со стороны представителей других течений и школ, но и изложить свое видение неоклассического реализма как связной и целостной теоретической конструкции, которая могла бы служить основой для разработки частных теорий в дальнейшем.

Одновременно с этим, несмотря на достаточно подробное описание методологии (а может быть и в результате такой тщательности), неоклассический реализм остается одной из наиболее громоздких научных моделей – интуитивно понятных, но трудоемких и сложных для операционализации. Это, разумеется, не означает, что у неоклассического реализма нет будущего. Напротив, развитие и разработка методологических рекомендаций, данных авторами, выглядит многообещающе. Тем не менее необходимо признать, что при всех достоинствах неоклассический реализм не умаляет практичности и экономности неореализма.

Дмитрий Борисов

Список литературы

- Mearsheimer J., Walt S. Leaving Theory Behind: Why Simplistic Hypothesis Testing Is Bad for International Relations // *European Journal of International Relations*, Vol. 19, No. 3. 2013. P. 427–457.
 Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*, Vol. 51, No. 1. 1998. P. 144–172.

References

- Mearsheimer J., Walt S. (2013). Leaving Theory Behind: Why Simplistic Hypothesis Testing Is Bad for International Relations. *European Journal of International Relations*. Vol. 19, No. 3. P. 427–457.
 Rose G. (1998). Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*. Vol. 51, No. 1. P. 144–172.